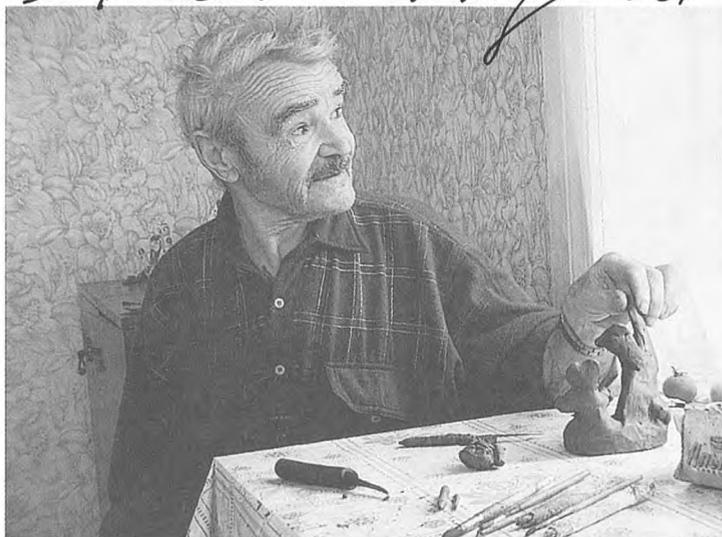

ГЕНА ДЕНИСОВ — «ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ»

Денисов Геннадий

В зале народных промыслов заповедного музея-усадьбы «Кусково» проходит удивительная по своей пронзительности выставка работ Геннадия Денисова, лауреата Государственной премии России.

Светлой памяти большого русского мастера малой пластики Гжели художника Геннадия Денисова посвящается это воспоминание.

Кажется, мы повстречали его совсем недавно. Это было при съемках документального фильма «Ностальгия по Гжели».

Вот как вспоминает свое знакомство с ним Юрий Гаранин, гжельский художник, друг Макаревича и Гребенщикова: «Ему было тогда, как мне сейчас, лет 50 с небольшим. Он вошел к нам в мастерскую, протянул мне, двадцатилетнему, руку и сказал, глядя пронзительно детскими черными глазами: «Познакомимся — Гена Денисов». — «А как по отчеству?» — удивился я. «У меня нет отчества» — ответил он. «Я — художник».

Сходили в магазин, выпили, и началась дружба. Невозможно было не разглядеть в нем самобытного народного художника со своим видением мира. Я себя считаю, в конечном счете, его учеником».

Вот Гаранин-то и проводил нас к Денисову.

Дощатый зеленого цвета домик в Бахтеево, одной из деревушек гжельского куста. Две двери — первая плотно заперта, другая — всегда открыта. Заходим в открытую. Какие-то голые то ли сенки, то ли кухня, большая икона на стене, ни печки, ни плиты не видно. Проходим. Поражает пустота комнаты, показавшейся от этого огромной. Тумбочка с глиняными фигурками, маленький стол у окошка, да еще тумбочка в углу под иконой Божьей Матери. На ней замечаю брошюрку — «Молитвы от греха пьянства».

Под грудой ватного старья обнаружился смущенный хозяин: «Вот читал «Житие проропа Аввакума», да задремал. А тут гости по мою душу!»

Пока он умывается да одевается, мы вышли в огород. Чей-то окрик останавливает нас: «Кто вы такие? Здесь все мое! Нечего этого сумасшедшего снимать!» Крупный грузный человек, одетый как чернец, грозно двинулся навстречу. Оказалось, это брат художника.

— Гена Денисов — это самородок, — вспоминает главный художник объединения «Гжель» Александр Николаевич Федотов. — Он, можно сказать, особо и не учился, как четыре класса в деревне закончил. Было потом, в совсем зрелом возрасте, Абрамцевское училище, но ему так зачеты ставили, знали, что самородок.

Помню, лет 30 назад надо было представить на Международ-

ную выставку по народным промыслам мелкую пластику. Я — к нему, он тогда в котельной работал на заводе «Электроизолятор». — Гена, — говорю, — спасай! А он игрушечки такие лепил, детишкам раздавал, они к нему табуном ходили: «Дядя Гена, сделай нам свистульки!» Он — раз, два — буквально несколько движений — и готово. «На, — говорит, — тебе!» — глаз не оторвать, фигурки как живые. Так он мне налепил этих фигурок полный стол! Два-три мазка — и глаза мечтателя, прямо чудо такое! Дар был у него особенный на это. Так вот он тогда все медали на той выставке взял. Коллекционеры за его фигурками и сейчас охотятся, прямо трясутся.

Но вот задача — как с ним расплатиться за работу? Ведь он в нашем объединении даже не числился! Пришлось выписывать деньги на брата, который работал у нас на формовке. Вот она какая бывает — доля художника!

Он вообще по характеру своему — очень скромный, застенчивый даже, бесребреник, не от мира сего. Одиночка, детей у него нет, да он и женат, по-моему, не был. Такие, как он, как Пиросмани, всегда жили и умирали в нищете, в одиночестве...

Мы прошли, все-таки, через братни чужой огород и сидим с ним, Геней Денисовым, как он себя называет, в старой баньке — развалюшке, единственной его собственности, где все его бесчисленные мечтатели, будь то мужички или зверюшки, и обрели свою жизнь. Картина эта невероятно печальная, если не сказать — пронзительная. Низехонький потолок — входили, согнувшись, — полное запустение, полумрак. Паутина по углам под иконками, выхваченная светом, чуть брезжащим из маленького оконца, какой-то покрытый слоем ветхой пыли старый киот иконы на переднем плане, фантастическая фактура шелушащихся стен, маленькая печурка в углу и сам художник. Сидит в облаке то ли дыма, то ли времени, попыхивает папироской, поглядывает. Глаза скорбные и немного изумленные — как у обиженного ребенка.

Я говорю ему, что буквально влюблена в его скульптурку «Рабочий и колхозница» — ничего мужинского в ней, кроме названия, и близко нет, но определенно — для меня — платоновское начало: замороженное наивное лицо мечтателя и его возлюбленной, светящейся ему навстречу. Он смущенно отмахивается. Спрашиваю, как он — поэт, излучающий доброту, такой хрупкий, subtilный, похожий на сухого кузнечика или, скорее, богомола, сподобился иметь братом злобного толстого скопидома, почему они оказались в одной избе?

— Ну, как? Он развелся, а я — уехал в Тамбов. Говорю ему, бери там, чего хочешь. Но только меня хоть золотом обсыпь, я все равно вернусь к себе, как волк. Ну, в Тамбове лепил свое — у них майолика шла. Но я там не прижился, не вписался — стиль их какой-то чужой — сухой и безжизненный, модерн — все перемешалось. Вижу как-то — девушка одна фигурку расписывает. Вместо глаз — точки ставит. Я ей говорю — да ты в зеркало посмотри, вон у тебя глазки какие! А ты точки ставишь...

Я и уехал домой, а в родительском доме уже — брат Валька, он же развелся.

— Я слышала, Ваши предки имели даже фабрику небольшую керамическую? Вы — потомственный мастер...

— Да, раньше тут у деда заводик стоял, горна были — технический фарфор делали и такие вот «кукалки», головки для кукол. Матушка — «писариха» — керамику расписывала, отец формовал. Нас, детишек, 10 человек было, семеро еще и сейчас живы... Но к художествам брат один только склонялся да я. Брат тот на гипсолитейке работал. Погиб в войну на Ладоге — дороге жизни. Там в общей могиле и лежит...

Потом я на «Изоляторе» работал — не люблю на одном месте сидеть, «охота к перемене мест» гнала куда-нибудь — туда, где прини-

мают (посмеивается). Был и электриком, и кочегаром, и сварщиком.

Глину, правда, всегда мял. Помню, утром хотелось скорее проснуться, чтобы лепить. И на смене когда стоишь, делать нечего — лепишь... Был и сдельщиком на поселке.

Да как же они в Гжели раньше не спохватились, что такой лирик погибает?

— А я сам не хотел. Свободу люблю, да и мужик — стыдно как-то казалось бабьим делом заниматься — куколки лепить. Они-то звали, ты, говорят, их что — штампуешь? У нас мастера — в месяц одну делают, а у тебя — карманы полные фигурок! За полгода другие столько не сделают как ты — за день! А мне, вот, у других — нравятся. На свои так смотреть не могу...

— У других и мысль нравится, и пластика. Законченность есть и товарный вид. У меня этого нет...

— Зато настроение какое в этих фигурках! Мечтательное, романтическое. Может быть, тоска по идеалу?

— Может, она самая.

Я — влюбчивый. С одной, вот, долго встречался. На Пасху познакомился. Инной ее звали. Любовь у нас была... Жениться хотел. Господь по-другому расположил... Умерла она от рака. Вот я и остался холостой...

Одиночество не мучает? Трудно ведь одному...

— Да я вроде не ощущаю так одиночества, нет... Я привык один... Никто не мешает. Иной раз зайдут товарищи — это меня тяготит уже. Один... Что-нибудь там возишься, читаешь книги, лепишь.

На чердаке вот нашел — про Аввакума и Никона, книжка старинная времен Алексея Михайловича. Там мысли интересные, пророчества вроде.

Вот так и живет себе лауреат Государственной премии СССР художник Геннадий Васильевич Денисов. О ней, злополучной, вспоминать не любит. Год даже не помнит — то ли 1985, то ли 1995?

— Не помню, не мое все это — говорит, посмеиваясь, — шуму было, свисту! А мне — что? Дома полепить, выпить — грешный я, немощный. Да и время мое вышло... Пальцы его в разговоре мнут глину. Вырисовывается простертое крыло птицы.

— Некогда мне лететь-то, некогда! Допрыгался. Доля похуже собаки. Вот говорят — герой, лауреат! Мудрее Соломона, богаче Буратино... А утром проснешься — с протянутой рукой... Куда денешься...

В тот первый раз нашей встречи он тронул меня тем, что подарил шоколадку. Вынес откуда-то долго прятанную плитку с явной патинной времени и протянул мне, даме. Сраженная наповал этой его щедростью я долго сопротивлялась. Он успокоился только, когда я разломила ее по-братски, пополам — половинку художнику на закуску...

И все-таки не одним черным цветом красит жизнь дни старого мастера. В следующую нашу встречу мы повезли его в объединение «Гжель», чтобы снять в рабочей обстановке. Как он отнекивался, как не решался ехать!

Но как же его встречали люди! Оборачивались, останавливались, обнимали, пожимали руки — даже совсем молодые: «Ой, Гена Денисов идет!» И лица расцветали улыбкой... Невозможно забыть его изумленный детски беззащитный взгляд...

Фильм наш был завершен. Гену Денисова мы больше не видели. Как он там в своем одиночестве?

Недавно дошла из Гжели печальная весть: русского самородка Гены Денисова не стало на земле. Он теперь — человек Божий...

Посмертная выставка его работ в «Кусково» — слабая, увы, компенсация нашей вины перед одиноким человеком, большим мастером Геннадием Денисовым.

Елена Кваскова